

дал в руки врагов ⁴² и взятие Рима Аларихом представлялось современникам событием огромного значения.

Соединение таких независимых друг от друга сообщений с использованием литературного обрамления в духе античной традиции свидетельствует о сознательно проделанной работе какого-то составителя, хорошо знакомого с древней литературой. В этой связи возможны два предположения: 1) Прокопий заимствовал этот рассказ у одного из своих предшественников; 2) он сам является его составителем. Существуют аргументы в пользу каждой из этих гипотез.

Весьма вероятным источником Прокопия, как предположил Б. Рубин ⁴³, может считаться прежде всего труд ратора Приска. Действительно, Приск — единственный историк, писавший вскоре после осады Рима; с другой стороны, ряд мест Прокопия (напр., Hist., III. 3—6) свидетельствует об использовании им сочинения Приска ⁴⁴, и, таким образом, вполне правомерно предположить, что Прокопий заимствовал у Приска и интересующий нас рассказ. Наконец, и у Приска мы встречаем сходный прием изложения — соединение нескольких независимых друг от друга событий с помощью новеллистического обрамления ⁴⁵.

Однако в этом предположении есть ряд спорных моментов. Прежде всего, данная осада происходила в 410 г., а Приск начинает изложение событий, по-видимому, лишь с 411 г. ⁴⁶, и возможно, что он вообще ничего не писал об осаде Рима. Далее, Приск мог располагать надежными источниками, освещающими это событие, и ему не было нужды прибегать к подобному литературному приему. Вряд ли можно предположить, что Приск, зная действительный ход событий, сознательно искажил правду ради художественного эффекта. Неясно, далее, почему один лишь Прокопий заимствовал у Приска этот рассказ, а Иордан, например, который часто пользовался Приском и даже сохранил нам фрагменты его труда ⁴⁷, ограничился лишь беглым упоминанием об осаде. Все эти соображения приводят к мысли, что рассказ об осаде Рима не восходит к Приску, а является продуктом творчества самого Прокопия.

Об авторстве Прокопия свидетельствует и то обстоятельство, что труд его на каждом шагу обнаруживает влияние древнегреческих историографов, прежде всего Геродота и Фукидида. Он перенимает у Геродота отдельные особенно употребительные выражения и формулы ⁴⁸, вводит аналогичные ситуации ⁴⁹, заимствует у него общие места (τόποι) ⁵⁰ в этнографических описаниях. Так, говоря о частях, на которые делится мир, он

⁴² C e d r., vol. I, p. 587.

⁴³ B. R u b i n. Op. cit., col. 129.

⁴⁴ Для параллелей с Приском характерны и другие места в труде Прокопия: Hist., III. 3, 12—17 (J. H a u r y. Prolegomena, p. XII); Hist., III. 4, 30—35 (G. M o r a v c s i k. Asodaszaggas mondája bizánci írónkñá (Повесть о чудесном олене у византийских писателей). EPhK, 38, 1914, Separatim 13—14); Hist., III. 6, 1—2. (J. H a u r y. Prolegomena, p. IX—X); Hist., III. 6, 6 (J. H a u r y. Prolegomena, p. VII).

⁴⁵ См. R. B e n e d i c t y. Egy Priskos-hely történeti hiteléről (Об исторической достоверности одного места Приска). «Antik Tanulmányok», 5, 1958, old. 75—78.

⁴⁶ G. M o r a v c s i k. Byzantinoturcica, vol. I. Berlin, 1958, S. 480.

⁴⁷ Th. M o m m s e n. Proemium in Jordanem. MGH AA, V, pars 1, p. XXXIV—XXXVII.

⁴⁸ H. B r a u n. Die Nachahmung Herodots durch Prokop. Nürnberg, 1894.

⁴⁹ J. H a u r y. Zur Beurteilung des Geschichtschreibers Prokopios von Cäsarea. München, 1896, S. 1—27.

⁵⁰ A. G r á f. Antik hatások a korai bizánci történetirodalom ethnographiai tudósításáiban [Влияние античной литературы на этнографические экскурсы ранневизантийских историков] EPhK, 58, 1933, old. 24—33, 100—105, 231—234.